
ЕЛЕОСВЯЩЕНІЕ.

Какое-то странное переживаемъ мы время. Нынѣ все чаще и чаще раздаются голоса о подъемѣ церковной жизни, о необходимости освѣжить и какъ-бы возродить наши православные приходы. И если посмотрѣть на дѣйствительность, то, съ одной стороны, и на самомъ дѣлѣ увидимъ, что жизнь прихода какъ будто становится полнѣе, свѣжѣе: и храмъ приходскій благолѣпенъ, и школа церковно-приходская возлѣ него стоитъ, и попечительство функционируетъ, иногда

даже общество трезвости значится. Но какъ только поближе поприглядишься къ этой жизни, то и заметишь, что въ ней чего-то недостаетъ, чего-то не хватаетъ, и притомъ важнаго, существеннаго.

Взглянувъ на эту нынѣшнюю жизнь приходовъ и сличивъ ее съ жизнью древнихъ христіанъ, сразу же и видишь, что нынѣшняя жизнь приходовъ отличается какою-то замкнутостью, изолированностью, бѣгствомъ отъ общенія съ другими приходами на почвѣ строгихъ церковно-религіозныхъ отношеній. Каждый приходъ и ихъ предстоятели—іереи хотятъ образовать изъ своей общины себѣ, отдѣльную единицу, стоящую внѣ соприкосновеній и общенія съ другими приходами; иными словами: стремятся уничтожить самую существенную черту церковно-христіанской жизни, именно общеніе любви и молитвы, чѣмъ такъ особенно дорожили древніе христіане. Часто теперь приходится наблюдать такое, напр., явленіе. Вотъ стоитъ сельскій приходъ съ храмомъ, положимъ, въ честь Смоленской иконы В. М., или вел.-муч. Пантелеимона, или св. безсребренниковъ Космы и Даміана. Кругомъ этого прихода стоятъ села въ 10-ти, 15, 18 (а въ Европейской Россіи въ 4, 5, 7) верстахъ. Наступаетъ храмовый праздникъ. Въ сосѣднихъ селахъ нигдѣ въ тотъ день богослуженіе не совершается. Вѣдь, почему-бы не пріѣхать священникамъ этихъ окрестныхъ приходовъ на храмовой праздникъ и принять участіе въ молитвѣ съ мѣстнымъ настоятелемъ и тѣмъ самымъ придать праздничному богослуженію болѣе торжественный видъ? Нѣтъ; ни одинъ изъ нихъ не принимаетъ такого участія. Явленіе очень прискорбное¹⁾, а въ городахъ даже сугубо печальное.

Въ нашей епархіи можно наблюдать и еще болѣе разительные факты. Мы разумѣемъ прежде всего погребеніе священника однимъ лишь священникомъ безъ участія другихъ іереевъ. Эти явленія сдѣлались въ нашей епархіи какъ-бы обычными. Умираетъ предстоятель известнаго сельскаго прихода, и воздать послѣдній долгъ ему пріѣзжаетъ одинъ лишь завѣдующій приходомъ; остальные же священники сосѣднихъ приходовъ, хорошо знавшіе покойнаго и нерѣдко раздѣлявшіе съ нимъ трапезу въ его же домѣ, теперь не считаютъ себя

¹⁾ Прискорбное тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за литургіей, къ полдню эти же самые священники не рѣдко пріѣзжаютъ на праздникъ къ своему собрату, и начинается общеніе, только уже на почвѣ иныхъ отношеній.

обязанными вознести свои молитвы о душѣ почившаго предъ его гробомъ съ бранными останками ²⁾). Повидимому, наши приходскіе священники убѣждены, что ихъ церковно-религіозная дѣятельность безусловно не должна выходить за предѣлы прихода, что молитвенно-церковное общеніе ихъ съ предстоятелями сосѣднихъ приходо́въ есть дѣло лишнее и не важное.

Но если упомянутыя явленія печальны и нежелательны, то все-таки съ ними еще можно кое-какъ мириться. Но есть одно явленіе въ церковно-религіозной жизни православныхъ христіанъ, нынѣ все чаще и чаще повторяющееся, съ которымъ уже никакъ невозможно примириться. Это — совершеніе таинства *елеосвященія* надъ болящимъ христіаниномъ только однимъ священникомъ безъ участія и молитвеннаго содѣйствія другихъ пресвитеровъ. Такое совершеніе елеосвященія нынѣ входитъ въ практику не только въ селахъ, гдѣ собрать законное количество совершителей сего таинства, дѣйствительно, не слишкомъ легко, но даже и въ городахъ, гдѣ священниковъ всегда бываетъ болѣе или менѣе значительное количество. Между тѣмъ совершеніе таинства св. елея только однимъ священникомъ есть дѣйствіе незаконное и неправильное. Оно явно противорѣчитъ и Священному Писанію, и церковному установленію, и содержанію молитвословій этого таинства и, наконецъ, самому смыслу этого таинственного священнодѣйствія.

Относительно таинства елеосвященія въ Свящ. Писаніи есть очень ясныя слова, читающіяся и при самомъ совершеніи таинства: *болитъ ли кто въ васъ? да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. V, 14—15). Здѣсь ясно говорится, что болящему можетъ быть дано тѣлесное здравіе и прощеніе грѣховъ, если о немъ помолятся пресвитеры Церкви. Апостоль не сказалъ: „да призоветъ пресвитера церковнаго“, но — *пресвитеры церковныя*. Этимъ самымъ апостоль ука-

²⁾ Говоря это, мы имѣемъ въ виду не сѣверные уѣзды нашей епархіи, гдѣ такія явленія, при громадномъ разстояніи одного прихода отъ другого, вполне естественны, но уѣзды южныя, гдѣ разстоянія между селами не слишкомъ значительны.

зываетъ, что больной требуетъ сугубой, усиленной молитвы, молитвы не одного, но нѣсколькихъ пресвитеровъ. Для своего исцѣленія и душевнаго здравія больной нуждается въ молитвѣ не родныхъ только и близкихъ къ нему лицъ, не своего только ближайшаго пресвитера, но и иныхъ пресвитеровъ, принадлежащихъ другимъ общинамъ, другимъ приходамъ. Онъ нуждается въ молитвѣ болѣе глубокой и усиленной, въ молитвѣ болѣе широкаго круга христіанъ, въ такой молитвѣ, въ которой должны принять участіе и люди, принадлежащіе къ другимъ приходамъ, и прежде всего лица, стоящія во главѣ приходо- вѣ, такъ сказать, представители ихъ, облеченные благодатію священства. Апостоль не указываетъ, какое именно количество пресвитеровъ должно быть приглашено болящимъ. Но въ этой апостольской заповѣди важно то, что таинство елеосвященія должно совершаться цѣлымъ соборомъ пресвитеровъ: усиленная „молитва вѣры“, которая можетъ исцѣлить болящаго, должна быть молитвою не одного, а нѣсколькихъ пресвитеровъ.

И православная церковь, послѣдуя апостольской заповѣди, не дала полномочій священнику совершать таинство елеосвященія безъ собора и совмѣстной молитвы другихъ священниковъ. Въ апостольской заповѣди не указаны молитвословія, которыя пѣлись и читались надъ болящимъ въ древнее время. Въ виду этого и самый чинъ елеосвященія на протяженіи всей церковной исторіи неоднократно измѣнялся и дополнялся, но соборное совершеніе этого таинства оставалось всегда неизмѣннымъ. Въ настоящее же время уже съ давнихъ поръ въ нашихъ требникахъ чинъ этого таинства носитъ такое заглавіе: „Послѣдованіе святаго елея, пѣваемое *отъ седми священниковъ*, собравшихся въ церкви или въ дому“. Это заглавіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ, и церковное опредѣленіе, ученіе всей православной церкви о таинствѣ елеосвященія, какъ о священнодѣйствіи, совершаемомъ не единичнымъ лицомъ, но соборомъ нѣсколькихъ и именно семи священниковъ. А это опредѣленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и церковное узаконеніе относительно совершенія этого таинства. И въ добрыя старыя времена наши православные священники, дѣйствительно, никогда не дерзали превышать свои полномочія и совершать это таинство безъ молитвеннаго участія и содѣйствія другихъ священниковъ. Елеосвященіе всегда совершалось, если не семью священниками, то во

всякомъ случаѣ соборомъ священниковъ, почему нашъ русскій народъ это священное таинство привыкъ чаще называть не елеосвященіемъ, а „соборованіемъ“, т. е. соборной молитвой священниковъ. Въ виду ясныхъ словъ апостола и опредѣленнаго требованія Церкви, выраженнаго въ священномъ преданіи, никогда не было разрѣшенія ни въ греко-восточныхъ патріархатахъ, ни въ нашей русской церкви совершать это таинство одному священнику, и ни одинъ изъ русскихъ архіереевъ не давалъ офіціального разрѣшенія въ своей епархіи на единоличное совершеніе елеосвященія. Да православные епископы; пока они остаются именно православными, а не уклоняются на путь заблужденій, могутъ быть не разрушителями, а только блюстителями и охранителями церковнаго вѣроученія, церковнаго преданія и церковныхъ установленій. Поэтому единолично совершенное священникомъ таинство елеосвященія есть дѣйствіе незаконное и самовольное. И всякій священникъ, дерзающій совершать то, что можетъ совершить только соборъ священниковъ, есть нарушитель апостольской заповѣди, христіанскаго преданія и церковнаго устава. Неправильно и безъ собора пресвитеровъ совершенное, вопреки Свящ. Писанію и церковному преданію, таинство не можетъ быть признано дѣйствительнымъ, какъ недѣйствителенъ и тотъ неканоническій поступокъ, какимъ является, напр., рукоположеніе какого-нибудь лица въ архіерейскій санъ однимъ только епископомъ, а не соборомъ іерарховъ³⁾.

Удивительно то обстоятельство, что всѣ такіе священники, предвосхищающіе недарованныя имъ Церковію полномочія, совершаютъ елеосвященіе, очевидно, не вникая въ содержаніе и смыслъ молитвословій, входящихъ въ составъ чинослѣдованія этого таинства. Если-бы они внимательно прочитали канонъ, стихиры и молитвы этого таинства, то

³⁾ Сужденіе автора о недѣйствительности таинства елеосвященія, совершеннаго однимъ священникомъ, есть личное его мнѣніе, нами нераздѣляемое. Для совершенія таинства елеосвященія, конечно, требуется соборъ пресвитеровъ, но по нуждѣ можно за отсутствующихъ священниковъ прочесть положенныя молитвы и совершить елеосвященіе одному и тому же священнику. Православная церковь не отрицаетъ дѣйствительности таинства крещенія, если оно, по неотложной нуждѣ, совершено бываетъ даже міряниномъ. Самъ авторъ въ концѣ своей статьи седмичное число совершителей таинства елеосвященія находитъ возможнымъ, въ крайнихъ случаяхъ, сократить до трехъ человекъ и такимъ образомъ допускаетъ возможность замѣны четвертаго, пятаго, шестаго и седьмого священниковъ кѣмъ либо изъ числа присутствующихъ. Редакторъ.

никогда бы и не рѣшились приступить къ единоличному совершенію елеосвященія. Весь чинъ, всѣ молитвословія сего таинства имѣютъ въ виду не одного, а нѣсколькихъ священниковъ, соборъ пресвитеровъ. Въ самомъ текстѣ тропарей канона мы находимъ нѣсколько такихъ указаній. „Призывати повелѣваяй немощствующимъ *священнодѣйствители* божественныя Твоя и *сихъ* молитвою и помазаніемъ елеа Твоего; Человѣколюбче, спасатися, спаси Твоею милостію страждущаго“ (Кан., 4 п., 3 тр.). „Мечь есть надъ демоны, Спасе, Твоя печать, огонь же, попяляй страсти душевныя, *священниковъ* мольбы“ (Кан., 7 п., 3 тр.). „Струями милости Твоея, Христе, и помазаніи *священниковъ* Твоихъ, омый, яко благоутробенъ, Господи, болѣзни и озлобленіе“... (Кан., 8 п., 2 тр.). „Дажь нынѣ заступленіе Твое и крѣпость Твою приступающему къ Тебѣ, божественнымъ помазаніемъ *священниковъ* Твоихъ, Человѣколюбче“ (Кан., 9 п., 1 тр.). Такое же указаніе на соборное совершеніе елеосвященія находится и въ текстѣ стихирь, поемыхъ послѣ канона; именно, третья стихира начинается слѣдующими словами: „Помазаніемъ елеа Твоего и *священниковъ*, Человѣколюбче, осязаніемъ раба Твоего освяти свыше“. Но всего яснѣе, всего рельефнѣе мысль о соборномъ совершеніи елеосвященія выражена въ заключительной молитвѣ таинства, которую первенствующій священникъ, „глаголетъ велегласно“. Въ этой молитвѣ есть такія слова: „не полагаю руку мою грѣшную на главу пришедшаго къ Тебѣ во грѣсѣхъ и просящаго у Тебѣ *нами* оставленіе грѣховъ, но Твою руку крѣпкую и сильную, яже во святомъ Евангеліи *сечь, еже сослужители мои держатъ на главѣ раба Твоего* (имя-рекъ) *и молюся съ ними*“... И вотъ предвосхитившій право совершенія таинства священникъ является вынужденнымъ въ торжественную и священную минуту обманывать и Бога, и людей, и самого себя мыслию, что въ это время Евангеліе, никѣмъ не поддерживаемое, держатъ все-таки отсутствующіе священники, и что самъ онъ молится съ своими сослужителями, которыхъ на самомъ дѣлѣ при немъ нѣтъ и которые, быть можетъ, даже и не подозреваютъ существованія даннаго болящаго. Приведенныя слова заключительной молитвы, дѣйствительно, смущали нѣкоторыхъ изъ нашихъ духовныхъ писателей, которые признавали законнымъ и правильнымъ совершеніе елеосвященія и единичнымъ лицомъ. Но не будучи въ правѣ и не имѣя никакой власти выкинуть изъ молитвы эти ясныя и рѣшительныя слова, они стали давать свя-

щенникамъ совѣтъ, чтобы послѣдніе, при единоличномъ совершеніи ими таинства елеосвященія, воображали въ своемъ умѣ, будто съ ними присутствуютъ и другіе священники, и произносили бы эти молитвенныя слова отъ лица всего воображаемаго собора священниковъ. Но такой совѣтъ обманывать себя силой своего воображенія только открываетъ широкія двери ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ этой психической способностью. Слѣдуя подобнымъ совѣтамъ, можно будетъ, пожалуй, и совѣмъ не совершать никакихъ ни таинствъ, ни священнодѣйствій, а довольствоваться однимъ только воображеніемъ ихъ совершенія.

Таинство елеосвященія есть усиленная молитва, испрашивающая у Бога съ дерзновеніемъ исцѣленія болящаго отъ его тѣлеснаго недуга и освобожденія его отъ грѣховъ. Это таинство, по общему церковному обычаю, совершается надъ христіаниномъ не при простомъ его заболѣваніи и недомоганіи и не при какой-нибудь острой, но скоропреходящей болѣзни, какою, напр., бываетъ зубная боль, но при болѣзни серьезной и тяжелой, когда надежда на простыя человѣческія средства и на медицинскую помощь становится уже слабой, и когда больной имѣетъ достаточныя основанія опасаться за самую жизнь свою. При такомъ состояніи болящаго и самъ больной и окружающіе его христіане могутъ просить у Бога и ожидать отъ Него только *чуда*. И эта молитва о чудесномъ исцѣленіи больного, въ силу самаго предмета ея, должна быть молитвой усиленной, напряженной, энергичной, молитвой цѣлаго сонма христіанъ и цѣлаго собора іереевъ—пресвитеровъ. Здѣсь должна выразиться глубокая, живая любовь христіанъ къ страждущему брату по вѣрѣ; здѣсь долженъ объединиться пастырь не только съ своими пасомыми, но и съ пастырями другихъ приходоу, чтобы молитва его была болѣе дерзновенной и чтобы она свидѣтельствовала о связующей всѣхъ христіанъ въ одну вселенскую церковь любви. Таинство елеосвященія—не колдовство или суевѣріе, полагающее всю суть въ елеѣ, а есть проявленіе таинственной силы христіанской любви и живой вдохновенной „молитвы вѣры“.

Апостольскія чтенія и молитвы, входящія въ составъ чинопослѣдованія сего таинства, прекрасно раскрываютъ намъ смыслъ таинства елеосвященія. Въ нихъ вся сущность этого таинства сводится къ живой любви, которая, объединяя христіанъ въ общей молитвѣ, преклоняетъ милосердаго Бога на дарованіе болящему Своей таинственной

силы и *благодатной* помощи. Такъ, второе апостольское чтеніе начинается слѣдующимъ увѣщаніемъ: „Братіе, должны есмы мы сильніи немощи немощныхъ носить и не себѣ угождати. Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію“. Въ пятомъ апостольскомъ чтеніи апостоль упоминаетъ о своей болѣзни, которая постигла его въ Асіи, такъ что онъ сталъ уже ожидать себѣ смерти, и если избавился отъ этой тяжелой болѣзни, то только усиленной молитвой христіанъ разныхъ церквей—не только асійской, но и коринѣской: „поспѣшествующимъ и вамъ (т. е. коринѣянамъ) по насъ, да отъ многъ лицъ еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о насъ“. Въ шестомъ апостольскомъ чтеніи дается заповѣдь: „другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ“. Такая же заповѣдь о внимательномъ отношеніи и любви къ ближнему дается и въ послѣднемъ чтеніи: „Братіе, молимъ вы: вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ“. Но всего ярче это ученіе о любви и ея силѣ выражено въ третьемъ апостольскомъ чтеніи. Тамъ преподается ученіе о томъ, что христіане въ общей ихъ совокупности суть тѣло Христово, а каждый порознь изъ нихъ—только членъ этого тѣла; что всѣ эти члены объединяются въ цѣлое тѣло только силою христіанской любви. Въ церкви Христовой есть „первѣе апостолы, второе пророки, третіе учителя, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, ради языковъ“. Въ Церкви Христовой, такимъ образомъ, есть лица съ самыми различными благодатными дарами и способностями. Но развѣ всѣ христіане-апостолы или пророки? „Еда вси апостолы? еда вси пророцы? еда вси учителя? еда вси силы? еда вси дарованія имутъ исцѣленій? еда вси языки глаголютъ? еда вси сказуютъ?“ Конечно, нѣтъ! Одинъ изъ христіанъ—чудотворецъ, другой—учитель, третій—прозорливецъ и т. д. Тѣмъ-то и сильна Церковь Христова, что въ ней всѣ эти люди силой любви объединяются въ одинъ живой, цѣлый организмъ.

Эти апостольскія слова, читаемыя, по церковному установленію и чину, въ послѣдованіи св. елѣя, какъ нельзя лучше освѣщаютъ самый смыслъ таинства. Лежащій на одрѣ болѣзни, страждущій христіанинъ нуждается не во врачебной только помощи, но и въ сердечномъ утѣшеніи, въ нравственномъ ободреніи и въ молитвенной поддержкѣ со стороны окружающихъ его лицъ. Но если болѣзнь усиливается и ослож-

няется, если человѣческая врачевная помощь оказывается уже почти безсильной, если молитвы окружающихъ, ближайшихъ къ больному лицъ становятся уже недостаточными, то въ общій молитвенный хоръ сливаются голоса и ближайшихъ и дальнѣйшихъ христіанъ и ихъ руководителей и представителей, пресвитеровъ церкви. И тогда на алтарь святой любви къ болящему христіанину пресвитеры церкви несутъ, по силѣ своей, свои духовные дары: одинъ — молитвенный порывъ и вдохновеніе, другой — утѣшительное слово, полное надежды на Бога, третій — свѣтлый, ободряющій взглядъ, исполненный сердечной нѣжности и ласки и т. д. И здѣсь, при помазаніи болящаго освященнымъ елеемъ отъ этимъ символомъ милосердія и состраданія, совершается таинство святой любви и надежды. Во имя этой живой любви, связующей христіанъ, и дерзаютъ собравшіеся пресвитеры ходатайствовать предъ Богомъ о чудесномъ исцѣленіи и освобожденіи отъ душевныхъ недуговъ страждущаго христіанина. Каждый же самъ по себѣ пресвитеръ можетъ свидѣтельствовать предъ людьми и предъ Богомъ только о своемъ недостойнствѣ, какъ это и дѣлаетъ пятый священникъ въ своей молитвѣ, обращаясь къ Богу съ словами: „иже мене смиреннаго и грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего, во мнозѣхъ грѣсѣхъ сплетеннаго и страстми сластей валяющагося, призвавъ во святой и превеличайшій степень священства“. Каждый священникъ, по собственному сознанію, есть только грѣшникъ, недостойный милости Божіей, и лишь во имя любви, объединяющей христіанъ и пресвитеровъ, искоряющей и заглушающей въ ихъ сердцахъ страстные, эгоистическіе элементы, они просятъ у бога благодатной помощи Св. Духа. И эта благодать осѣняетъ прежде всего самихъ пресвитеровъ, возносящихъ молитву, и уже отъ нихъ и чрезъ нихъ, при посредствѣ внѣшнихъ дѣйствій, сообщается болящему: „Самъ призри, благоутробный Владыко, съ высоты святая Твоя, соостынивъ насъ грѣшныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ благодатию Святаго Духа въ часъ сей, и всели въ раба Твоего (имя-рекъ), познавшаго своего согрѣшенія“ (мол. 2-го свящ.). И на это ниспосланіе благодатныхъ чудодѣйственныхъ даровъ, на эту неизреченную милость преклоняетъ Господа въ таинствѣ елеосвященія прежде всего христіанская любовь, собравшая подъ одинъ кровъ людей съ разными духовными дарованіями. Здѣсь одинъ пресвитеръ призываетъ благодать своимъ глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ и живымъ сознаниемъ своего недостойнства, другой — силой своей

теплой сердечной любви къ ближнимъ, иной — необыкновеннымъ самоуглубленіемъ и молитвенной сосредоточенностью, иной — преданностью себя въ волю Божию и свѣтлой надеждой на Божественный промыселъ. И всё эти личные особенности духовныхъ дарованій пресвитеровъ сливаются здѣсь въ одинъ таинственный хоръ, въ одну незримую струю, а сами пресвитеры соединяются въ одинъ живой „союзъ любви“, такъ что и самое елеосвященіе можно опредѣлить, какъ таинство, въ которомъ (воспользуемся словами св. Василія Великаго) „многіе составляютъ одного и каждый не одинъ, но въ ряду многихъ“. Здѣсь сильна молитва тѣмъ, что она — общая молитва. Здѣсь духовная сила и молитва одного пресвитера восполняется молитвой и духовнымъ даромъ другого, такъ что каждый пресвитеръ въ отдѣльности является только „удомъ отъ части“, всё же они вмѣстѣ составляютъ то цѣлое, ту соборную единицу, которая, по полномочію отъ Церкви, низводитъ свыше благодатную силу Св. Духа и съ дерзновеніемъ, съ непреклонной, живой надеждой взываетъ къ Богу объ исцѣленіи болящаго: „Ей, Господи, врачевную Твою силу съ небесе низпосли, прикоснися тѣлеси, угаси огневицу, укроти страсть и всякую немощь таящуюся; буди врачъ раба Твоего (имя-рекь), воздвигни его отъ одра болѣзненнаго и отъ ложа озлобленія цѣла и всесовершенна, даруй его Церкви Твоей благоугождающа и творяща волю Твою“ (Мол. 3-го свящ.). Здѣсь, при соборномъ совершеніи таинства, и недостойный, порочный іерей можетъ воспрянуть духомъ подъ вліяніемъ молитвенно-настроенныхъ собратій своихъ и вдохновиться ихъ настроеніемъ, какъ въ древности отвергнутый Богомъ Саулъ, лица погибели Давида, съ приближеніемъ къ жилищу Самуила, исполнился Духа Божія и сталъ пророчествовать (1 цар. XIX, 22—24).

Но если таинство елеосвященія есть таинство любви христіанской, гдѣ только совокупность и взаимодействіе духовныхъ даровъ, присущихъ каждому въ отдѣльности изъ пастырей, и общая, соединенная ихъ молитва низводятъ благодать Св. Духа на болящаго, то неясное-ли дѣло, что священникъ, дерзающій сознательно замѣнить собой соборъ священнослужителей, впадаетъ только въ нравственное самообольщеніе, или духовную прелесть? Замѣнить собой соборъ въ данномъ случаѣ значитъ пасть подъ бременемъ гордости своей, возобразивъ себя и сильнымъ въ молитвѣ, и обладающимъ полнотою любви христіанской и исполненнымъ

другихъ духовныхъ дарованій. Конечно, не все священники совершаютъ елеосвященіе единичными силами по нравственному самообольщенію; многіе совершаютъ и по другимъ причинамъ, чаще всего по непониманію смысла этого таинства и по невнимательному, легкому отношенію къ содержанию самаго чина и къ церковнымъ постановленіямъ относительно сего таинства, по странному, почти граничащему съ суевѣріемъ, взгляду на елеосвященіе, полагающему всю сущность послѣдняго въ деревянномъ маслѣ и въ „обвитыхъ бумагою стручкахъ“. Но и эта причина ни мало не извиняетъ незаконнаго и неправильнаго дѣйствія, тѣмъ болѣе, что она даетъ поводъ врагамъ нашей Церкви (напр., графу Л. Толстому) обвинять послѣднюю въ томъ, что она содержитъ нелѣпное и грубое колдовство. Послѣдуюя ясной заповѣди св. апостола, Церковь не дала полномочій священнику совершать елеосвященіе единолично, а предоставила право совершенія этого таинства только собору іереевъ. Поэтому всякій священникъ, намѣренно и сознательно рѣшающійся совершать елеосвященіе безъ участія другихъ священниковъ, есть ослушникъ Церкви, расторгающій вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ священный союзъ любви, которымъ связывается, подобно апостоламъ, соборъ пресвитеровъ. Такому іерею можно дать тотъ же совѣтъ, который преподанъ былъ Самуиломъ царю Саулу, поторопившемуся принести Богу жертву: „неуже-ли всесоженія и жертвы столько-же пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Господа? Послушаніе лучше жертвы и повиненіе лучше тука овновъ, ибо непокорность есть такой-же грѣхъ, какъ волшебство, и противленіе то же, что идолопоклонство“ (1 цар. XV, 22—23). Есть и такіе священники, которые приступаютъ къ единоличному совершенію сего таинства во имя любви къ болящему, уступая его просьбамъ и не рѣшаясь отказать ему въ совершеніи надъ нимъ тайны елеосвященія. Но и такая любовь не должна побуждать священника къ незаконнымъ и неправильнымъ дѣйствіямъ. Онъ долженъ прежде всего выяснитъ своимъ прихожанамъ, что единолично онъ не можетъ совершить это таинство христіанской любви и церковнаго общенія, что необходимо присутствіе еще нѣсколькихъ пресвитеровъ, по меньшей мѣрѣ, двухъ, чтобы былъ соборъ. Онъ долженъ расположить и самого болящаго и его родственниковъ пригласить сосѣднихъ священниковъ. Если же невозможно таковыхъ пригласить, то ни въ какомъ случаѣ не должно самонадѣянно приписывать себѣ той силы и того духовнаго вліянія, какія принадле-

жать только собору. Ибо если таковой священникъ, дѣйствительно, усердный молитвенникъ, если въ его сердцѣ есть, дѣйствительно, искра священной, сострадательной любви, то онъ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и христіански смиреннымъ человѣкомъ. Если онъ поистинѣ полонъ нелицемѣрной любви къ болящему и если онъ подлинно отъ всего сердца молится о немъ, то, при невозможности съ его стороны созвать сослужителей-іереевъ, пусть возложитъ онъ все упованіе свое на милосердіе Божіе, и Господь, по силѣ вѣры и молитвы его, дастъ болящему исцѣленіе и помимо елеосвященія. Вѣдь, въ распоряженіи священника остается еще не мало благодатныхъ средствъ и священнодѣйствій, на совершеніе которыхъ онъ получилъ отъ церкви полномочія. Пусть, во имя любви къ больному, совершаетъ онъ Божественную литургію съ поминовеніемъ на ектеніяхъ имени болящаго и съ присоединеніемъ на проскомидіи особой молитвы за него; пусть чаще сподобляетъ болящаго таинства причащенія св. Тѣла и Крови Христовыхъ; пусть отправляетъ въ домъ болящаго и нарочитую службу о недужномъ; пусть служитъ молебное пѣніе или Спасителю, или Божіей Матери, или какому-либо иному небесному заступнику и чудотворцу; пусть совершаетъ послѣдованіе малаго освященія воды; пусть, наконецъ, усилитъ и свою домашнюю молитву о недугующемъ, — и Господь, видя искреннюю любовь пастыря къ болящему, „скорое свыше покажетъ посѣщеніе страждущему рабу Своему и избавитъ его отъ недуговъ и горькихъ болѣзней“.

Свящ. А. Юрьевскій.